

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Ю. Николаев.

Спектакли въ Обществѣ Литературы и Искусства. — Малый Театръ: *Последняя жертва*, комедія Островскаго.

I.

Въ продолженіе нынѣшняго сезона мнѣ пришлось присутствовать на въ-сколькихъ спектакляхъ, данныхъ Обществомъ Любителей Литературы и Искусства въ помѣщеніи Охотничьяго Клуба. Я смотрѣлъ *Урелия Акоста*, *Считай, да не утѣтъ*, и на дняхъ *Гувернера*. Общество это существуетъ, кажется, довольно давно, довольно давно даетъ спектакли, но мнѣ все какъ-то не приходилось попасть на эти представленія. По правдѣ сказать, я очень мало доверяю такъ-называемымъ любителямъ драматическаго искусства. Въ большинствѣ случаевъ это просто забава, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющая. Вотъ почему у меня не было охоты посѣтить спектакли Общества. Но въ нынѣшнемъ году я случайно попалъ на одинъ спектакль—давали *Урелия Акоста*, а потомъ посѣтилъ и два остальныхъ, когда давали *Считай, да не утѣтъ* и *Гувернера*. Всѣ спектакли были чрезвычайно интересны.

Во первыхъ, оказалось что между любителями есть въ-скольکو талантливыхъ исполнителей, а двое, гжа Андреева и г. Станиславскій—съ положительнымъ и выдающимся талантомъ, а вторыхъ, бросалось въ глаза что всѣ гг. любители относятся къ искусству очень серьезно, что для нихъ ихъ дѣло не праздная забава, какъ это большою частью бываетъ. Видѣ въ настоящее время, да уже и много лѣтъ, у насъ мало кто занятъ и озабоченъ литературой и искусствомъ. Театръ же мало-помалу обращается просто въ праздную забаву—иначе не могъ бы держаться на сценахъ тотъ пошлый репертуаръ который мы видимъ. И, конечно, кружокъ людей дѣйствительно занятыхъ искусствомъ представляетъ большой интересъ для всѣхъ любящихъ искусство и литературу.

Въ спектакляхъ Общества надо указать на прекрасно-поставленную режиссерскую часть. Въ-шншія обстановки сцены не только безукоризненны, но и художественны. Все превосходно и гармонично сдѣлано. А

видѣ въ такихъ пѣсахъ какъ *Урелия Акоста* это очень трудно сдѣлать. Что касается того что называютъ „ансамблемъ“, то и здѣсь все сдѣлано прекрасно: чрезвычайно правдивое и жизненное, и вмѣстѣ съ тѣмъ красивое расположеніе сценъ, а такъ-называемыя „массовыя сцены“ проходятъ живо и естественно, безъ той ненужной суетливости которая въ подобныхъ мѣстахъ пѣсь всегда замѣчается и на сценахъ хорошихъ театровъ. Такой постановкѣ могли бы позавидовать и такъ-называемые „опытные“ режиссеры. Вы понимаете сколько тутъ потрачено труда и усилій, но вы не замѣчаете этихъ усилій, вся продолжительная черновая работа исчезаетъ, и вы видите предъ собой только гармоничное цѣлое, которое, кажется, сложилось само собою, безъ всякихъ усилій. А видѣ въ этомъ-то все и дѣло.

Затѣмъ, для того чтобы достигнуть художественнаго впечатлѣнія, мало если каждый актеръ будетъ хорошо исполнять свою роль,—нужна, опять-таки, еще гармонія цѣлаго, общій тонъ исполненія; надо чтобы каждый актеръ чувствовалъ свою связь со всѣми, и чтобы всѣ чувствовали свою связь съ каждымъ. Тогда только пѣса оживится и одухотворится, тогда только ея смыслъ выступить ясно и вполнѣ. Въ спектакляхъ Общества, на которыхъ я присутствовалъ, именно и достигалось такое впечатлѣніе этою гармоніей исполненія.

Обыкновенно, какъ самую большую похвалу любителямъ, говорятъ что они играли какъ „опытные актеры“. Плохая похвала. Оно дѣйствительно, любители большою частью копируютъ актеровъ и именно „опытныхъ“, а не даровитыхъ. Ибо даровитаго актера, то-есть актера вкладывающаго въ игру свою душу, скопировать нельзя, и непременно выйдетъ карриатура; а „опытнаго“ актера, то-есть только хорошо дрессированнаго, скопировать можно и легко. Но дѣло-то въ томъ что игра въ которой видна „опытность“, въ которой эти „опытность“ не заключается совершенно художественности исполненія,—такая игра ха-рактеризуетъ посредственнаго актера, ремесленника. Въ похвалу любителямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, я именно скажу, что они играютъ не какъ „опытные“, а какъ даровитые актеры. Въ ихъ игрѣ нѣтъ ничего условнаго, театральнаго, чего не избегаютъ даже и даровитые, но профессиональные актеры—и въ этомъ-то главная прелесть ихъ исполненія. Это испол-

неніе производило впечатлѣніе свѣжести: видно было что никто и ничего заранее и уже навсегда не заучилъ, что ни у кого нѣтъ заранее и разъ навсегда выработанныхъ шаблонныхъ приѣмовъ. Видно было что каждый создавалъ свою роль не внося туда ничего преднамѣреннаго и разъ навсегда, такъ сказать, для всѣхъ „подобныхъ“ случаевъ заученнаго.

Впечатлѣніе отъ представленія *Uri-еля Акоста* и *Свѣтитъ да не грѣетъ* у меня уже нѣсколько сгладилось, такъ что я не буду говорить подробно объ исполненіи этихъ пьесъ гг. любителями; скажу только о г. Станиславскомъ и о гжѣ Андреевой.

Къ сожалѣнію, я не видѣлъ г. Станиславскаго въ роли Анавія Яковлева, которую онъ игралъ съ гжой Стрепетовой; какъ разъ въ этотъ день у Россіи шла *Смерть Грознаго*, и мнѣ необходимо было присутствовать на этомъ представленіи. Но я его видѣлъ въ трехъ роляхъ, совершенно разнохарактерныхъ: въ роли *Uri-еля Акосты*, *Рабачева* (*Свѣтитъ да не грѣетъ*) и *Жоржа Дорси* въ *Гувернеръ*, и во всѣхъ трехъ роляхъ онъ былъ хорошъ и разнообразенъ.

Роль *Uri-еля* онъ исполнилъ прекрасно, съ большимъ разнообразіемъ оттѣнковъ, но, на мой взглядъ, онъ взялъ не совсемъ вѣрный общій тонъ рѣчи. Тонъ этотъ былъ нѣсколько вульгаренъ, будниченъ, такъ сказать; *Uri-елю* надо было бы придать больше изящества и глубины вообще, а въ тонъ рѣчи также нужно бы болѣе изящества, благородства и твердости. Но, во всякомъ случаѣ, изъ русскихъ актеровъ я не видалъ никого кто бы такъ прекрасно исполнилъ роль *Uri-еля* какъ г. Станиславскій. А сцену отреченія, въ которой измѣнились и тонъ, и манера его, онъ исполнилъ истинно великолепно, какъ могъ бы исполнить ее очень большой артистъ.

Въ роли *Рабачева*, грубоватаго и мѣшковатаго малаго, г. Станиславскій былъ безукоризненно хорошъ. Въ его игрѣ было много наивности и прямоты — драгоценныхъ качествъ, столь рѣдко встрѣчающихся у профессиональныхъ актеровъ. Онъ, дѣйствительно, *разговаривалъ* съ живымъ разнообразіемъ оттѣнковъ и интонацій, а не отвѣчалъ на реплики, какъ бы уже заранее зная рѣчь собесѣдника — приѣмъ, который такъ часто портитъ игру актеровъ.

Въ роли *Жоржа Дорси* онъ былъ превосходенъ. Я видѣлъ нѣсколько разъ въ этой роли *Самойлова* — и г. Станиславскій былъ не хуже его, хотя игралъ эту роль въ иномъ ха-

рактерѣ и, по моему, болѣе вѣрно чѣмъ *Самойловъ*. *Самойловъ* при виртуозной игрѣ своей дѣлалъ *Дорси* болѣе изящнымъ и воспитаннымъ чѣмъ могъ быть Французъ его званія, привычекъ и положенія. Отдѣлка роли была у г. Станиславскаго превосходная, но все одухотворялось тою веселостью и тѣмъ юморомъ съ которыми онъ передавалъ роль *Дорси*.

Видѣлъ я его еще въ маленькой роли изъ прелестной одноактной комедіи г. Чехова, *Медвѣдь*. Г. Станиславскій и игралъ этого самаго деревенскаго медвѣдя, неожиданно и мгновенно влюбляющагося — и игралъ безподобно, съ большимъ простодушіемъ. Я сѣлся до слезъ. Особа (не имѣю подъ руками афиши чтобы справиться объ ея сценической фамиліи) игравшая сперва меланхолическую, а потомъ очень уже бойкую вдову, предметъ страсти медвѣдя, — тоже играла превосходно, съ большимъ одушевленіемъ. У нихъ съ г. Станиславскимъ выходитъ совершенный дуэтъ.

Прибавлю что и въ *Гувернеръ* всѣ исполнители играли хорошо, кромѣ господъ исполнявшихъ роли петербургскаго дяди и Володи: они играли очень старательно, но роли къ нимъ совершенно не подходили.

Теперь мнѣ остается сказать о гжѣ Андреевой. Я видѣлъ ее въ двухъ роляхъ: *Юдифи* (*Uri-ель Акоста*) и *Оли* (*Свѣтитъ да не грѣетъ*). У нея несомнѣнный и большой талантъ. Въ исполненіи ею роли *Юдифи*, очень характерномъ (она дѣйствительно напоминала богатую еврейскую дѣвушку того вѣка, какую мы видели на иныхъ портретахъ и картинахъ старыхъ мастеровъ), было то высокое и простое изящество, котораго не достаетъ большей части нашихъ русскихъ актрисъ. Оля она сыграла очень трогательно, просто и изящно. Манерой своей игры (въ роли *Юдифи*), мягкостью тона и изяществомъ она напомнила мнѣ *Сеговъ-Веберъ*, которую мы видѣли въ спектакляхъ *Муне-Сюлли* — напомнила *Сеговъ-Веберъ* не въ роляхъ античныхъ трагедій, а въ такихъ роляхъ какъ *Офелія*, *донна Соль* и т. п.: хотѣлось бы видѣть гжу Андрееву именно въ подобныхъ роляхъ. Я думаю, она могла бы быть прекрасною *Корделіей*, *Дездемоной* и т. д.